

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

**Кутыкова
Ирина
Валентиновна** —
кандидат философ-
ских наук, доцент
Санкт-Петербург-
ского государствен-
ного технологичес-
кого института
(технического уни-
верситета). В жур-
нале “Человек” пуб-
ликуется впервые.
E-mail: irina.kutyko-
va@gmail.com

МОЯ ИСТОРИЯ. ОБ ОТНОШЕНИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ К ПРОШЛОМУ

© 2015

И.В. Кутыкова

Последние десятилетия российское интеллектуальное пространство сотрясают “битвы за историю”. Ученые, политики, журналисты и просто равнодушные граждане заняты поиском, а чаще конструированием “подлинной” истории Отечества. Побудительным мотивом этих экскурсов является выстраданная путем многочисленных проб и трагических ошибок идея: будущее страны напрямую зависит от ее прошлого, точнее, от его понимания. Дальнейшие алгоритмы представляются не столь очевидными. Помимо принципиального вопроса “какова наша аутентичная история?” существует еще один не менее важный вопрос: что представляет собой историческое сознание российских граждан? Если оставить в стороне результаты опросов ВЦИОМа о деятелях российской истории, ответы участников различных шоу и викторин на сей счет, можно с уверенностью сказать, что с точки зрения принятых в науке критериев репрезентативности, контуры исторического сознания наших соотечественников весьма расплывчатые. Политики, эксперты, преподаватели сходятся только в одном: молодежь учат истории плохо, формированием исторического сознания молодых людей система образования, СМИ, литература и искусство занимаются недостаточно. Соглашаясь с этим тезисом, попробуем очертить некоторые характеристики исторического сознания старшеклассников и студентов, опираясь на материалы эмпирических исследований. Но прежде несколько слов о предмете исследования.

Интересующий нас феномен принято описывать с помощью понятий “историческое сознание”, “историческое самосознание” и “историческая идентичность”/“историческое Я”. В первом приближении *историческое сознание* можно охарактеризовать как существующие в общественном и, соответственно, индивидуальном сознании представления, согласно которым жизнедеятельность общества/человека развивается от прошлого через настоящее в будущее, что у этого процесса есть свои, независимые от субъективных намерений законы. Сопричастность “я” (субъекта) историческим событиям, периодам и эпохам — это есть *историческое самосознание* общности (индивида). Осознанные поддержка традиций, преодоление на основе прошлого опыта накопившихся проблем составляет сущность *исторической идентичности*.

Соответствующие взгляды и установки формируются в процессе социализации, обучения и воспитания, в том числе на основе рассказов родственников, посещения музеев и выставок, участия в исторических реконструкциях и т.д.

Историческое сознание, его модусы являются органической составляющей мировоззрения личности; наряду с представлениями и установками, “почерпнутыми” в семье, оно играет основополагающую роль в создании и поддержании картины мироздания. Именно историческое сознание в существенной мере способствует формированию жизненного мира личности, ее укорененности в бытии.

В структурах повседневности совокупность перечисленных параметров выступает в форме конкретных вопросов: Что я знаю о себе как историческом существе, принадлежащем бескрайнему потоку “исторического”, части многовековой цепи поколений? Являюсь ли я достойным продолжателем дел и традиций моих предков? Каким предстанет мой образ в глазах потомков?

Эти непростые для каждого человека вопросы мы детализировали и адресовали участникам социологического опроса. Эмпирическую базу исследования составляют результаты анкетирования студентов и школьников Санкт-Петербурга, проведенного автором статьи в период с 2006 по 2013 годы. В исследовании приняли участие 90 (2006 год) и 175 (2010 год) студентов Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), родившиеся в 1991–1992 годах. В ходе анкетирования старшеклассников (апрель 2013 года) опрошено 150 человек 1995–1998 годов рождения.

Несмотря на повышенное внимание массового сознания к историческим судьбам России, представления респондентов тяготеют к микроуровню исторических событий, и обозначенная тенденция нарастает (табл. 1.). Возможно, это связано с тем, что опрошенные недостаточно четко различают смысл понятий “место”, “значение” и “роль” в истории. Во всяком случае достаточно распространено пассивно-отстраненное отношение к историческому. Об этом, в частности свидетельствуют ответы на вопрос “Какое место в истории Вы отводите себе?” Так, в 2006 году студенты следующим образом выразили свою позицию: “деятель” 41%, “созерцатель” 33%, “мечтатель” 9%. К 2010 году предпочтения респондентов претерпели существенные изменения: “созерцатель” — 44,5%, “деятель” — 18%, “созерцатель — мечтатель — деятель” — 7% (при этом последнюю позицию выбирают для себя 13% второкурсников; для первокурсников она неприемлема вовсе).

Во многих случаях гражданская позиция не связывается с активностью, а некоторые ответы свидетельствуют о заниженной самооценке студента. Не случайно мечты некоторых респондентов сопряжены с былым, обращены в прошлое. Значимым представляются: “XVIII век, полководец”, “Императрица”, “творческая личность в эпоху Возрождения”, “Распутин, время первой русской революции”, “Ксения Петербургская, так как люблю помогать людям”.

Таблица 1

Событийное пространство, с которым респонденты ассоциируют себя как исторического субъекта, % ответивших

Время опроса	Учебное заведение	Город	Страна	Человечество	Не ответили	Предложили свой вариант ответа
2006	23,4	23,4	14,4	31,1	4,4	3,3
2010	31	18	21	18	5	6
2013	43	12	11	23	11	—

Примечательно и распределение ответов на вопрос о том, “Какое место в истории Вы отводите себе?” Оставили его без ответа 17% (2006) и 24,5% (2010), что можно расценить как «растерянность “я” пред историей». Вместе с тем 39% (2006) и 32,5% (2010) заявили, что имеют представление об отличительных чертах собственного “я” как исторического лица; испытывают затруднение в этом вопросе 30% (2006) и 32,5% (2010); не имеют четкого представления о своем историческом “статусе” 20% (2006) и 10% (2010). Тем не менее, налицо положительная динамика в вопросе о своей исторической принадлежности. Девяти процентам в 2006 году и 22% респондентов в 2010 была точно известна принадлежность к “роду и племени”, а количество не имеющих четкого представления о своей исторической принадлежности сократилось к 2010 году в два раза.

Ведение дневниковых записей, служащее в определенном смысле воплощением связи современника с потомками представители молодого поколения расценивают следующим образом. Бесплодным занятием это считают 43% (2006) и 41% (2010) опрошенных. Впрочем, количество студентов, ведущих дневниковые записи, растет — 15% (2006) и 21% (2010), а собирающихся их осуществлять — составляет 4,5% (2006) и 6% (2010). Кроме того, снижается число респондентов, отрицающих необходимость ведения дневника — 11% (2006) и 6% (2010), увеличивается количество студентов, которые вели дневниковые записи, но прекратили главным образом из-за нехватки свободного времени — 4,5% (2006) и 8% (2010). Прибегают к художественным средствам для выражения впечатлений о ярких событиях собственной жизни 22% (2006) и 17% (2010).

Согласно результатам исследования, историческому сознанию молодежи присущ ряд проблем.

На рациональном уровне исторического сознания типичным является историческое невежество, сопряженное с самоуверенностью. Основные болевые точки здесь: слабое знание хронологии, знание преимущественно только тех событий и фактов, которые маркированы участием выдающейся исторической личности; склонность к однозначным оценкам; нечеткое различие “локального” и “всеобщего”; непонимание сути явлений “геройства” и “злодейства”; сокращение числа молодых людей, которые способны назвать интересующие их исторические периоды, эпохи (табл. 2). Например, некоторые респонденты к ряду героев истории отнесли Гитлера и Берию, без какого-либо обоснования отметили отрицательную роль Ленина и положительную Бисмарка. Среди выдающихся исторических фигур наряду с Леонардо да Винчи и Эрнесто Че Геварой оказался Гитлер.

Респонденты понимают непреходящую, выдающуюся значимость событий отечественной истории, но многие не осведомлены об их периодизации. Так, хронологические рамки Великой Отечественной войны, знание о которой, по признанию опрошенных, носит долженствующий характер, нередко определяют как 1939–1945 годы. (Вторую мировую

Таблица 2

Доля респондентов (в процентах), назвавших интересующие их периоды и эпохи в истории России

	2006	2010	2013
Доля респондентов, давших конкретные ответы	97	89	58
Затруднились ответить	3	3	5
Не ответили	—	8	37

войну отождествляют с Великой Отечественной войной 7% опрошенных. Впрочем, в некоторых случаях подобную ошибку можно считать прощительной, поскольку респондент адекватно оценивает значимость события: “Великая Отечественная война... это событие коснулось всего человечества, в том числе моих родных”.)

Вместе с тем первокурсники хорошо осознают необходимость приложения исторических знаний к современности, в которой обнаруживается потребность в видении и представлении об историческом прошлом далеком и близком. Отечественная история — своеобразная область открытий, образуемая всеми историческими периодами и эпохами.

В оценке значимости многих важнейших исторических событий респондентами преобладает утилитарная нота. Вот некоторые высказывания о том, чем вызван их интерес ко Второй мировой войне: “Вторая мировая война, так как там очень много тайн”, “Вторая мировая война, узнать больше правды и не допускать таких ситуаций в дальнейшем”, “период Второй мировой войны, потому что он потрясает своей увлекательностью”. Вторая мировая война, так как я слышан о невероятной доблести, силе и храбрости наших солдат”.

Согласно полученным данным, понимание истории не является следствием ее знания. Самооценка знания истории респондентами варьирует от преимущественно удовлетворительной — 51% (2006), 48,5% (2010) и хорошей — 36% (2006), 38% (2010), до неудовлетворительной — 8% (2006), 8% (2010) и отличной — 5% (2006), 4,5% (2010), а самооценка понимания истории от хорошей — 57% (2006), 55% (2010) и удовлетворительной — 27% (2006), 28,5% (2010) до отличной — 11% (2006), 13% (2010) и неудовлетворительной — 5% (2006), 5% (2010).

Сдержанно оценивая собственное знание истории, респонденты нацелены, тем не менее, на ее понимание. Для подавляющего большинства студентов в 2006 (90%) и 2010 (92%) годах очевидно наличие смысла в истории. Смысл истории заключается, главным образом, в познании истории, затем выделяются экзистенциальный, культурологический, футурологический аспекты. Школьники (2013) понимают историю как учебную дисциплину, предмет и науку. Смысл истории большинство респондентов усматривает, прежде всего, в возможности научиться избегать ошибок прошлого.

Справедливости ради следует сказать, что по многим параметрам историческое сознание молодежи соответствует исторической компоненте массового сознания населения России, для которого характерны персонификация прошлого, его восприятие и оценка через призму устойчивых образов-символов, редукционизм, эмоциональность, дилетантизм, идейно-политическая противоречивость [1].

На эмоционально-образном уровне динамика отношения к историческому противоречива, чему пока нет аргументированных объяснений (табл. 3).

Таблица 3

Чувства, обращенные к “историческому”, % ответивших

	2006	2010	2013
Уважение	44	54	59
Гордость	29	26	10,6
Любовь	1	3	4
Ностальгия	8	5	4,6
Не испытывают никаких чувств	6	3	9,3

Одним из показателей укорененности в истории является бережное отношение к традициям. Подавляющее большинство студентов признает их значимость в своей жизни. О том, что они стараются сохранять и поддерживать семейные традиции, заявили 32,3% (2006) и 35% (2010) респондентов. Но первенство здесь занимают праздничные традиции. Опрошенные высоко оценивают традиции взаимовыручки, взаимопомощи, взаимопонимания, совместного времяпрепровождения с родственниками. Общее представление о ситуации дают показатели, приведенные в таблице 4.

Таблица 4

Степень готовности молодого поколения поддерживать прошлые и формировать новые традиции, % ответивших

	2006	2010	2013
Конечно, традиции надо поддерживать и развивать	60	55	35
Это вопрос на усмотрение каждого человека	29,5	40	50
Можно обойтись и без традиций	4,5	4	11
Собственный вариант ответа	6	1	2
Не ответили	—	—	2

Одна из болевых точек отношения к прошлому — нигилизм (вандализм). Его проявления разнообразны: осквернение и разрушение исторических памятников, могил, несанкционированные граффити на стенах историко-архитектурных памятников. По мнению опрошенных, его причинами являются: невежество — 39% (2006), 46% (2010), 44% (2013) и отсутствие воспитания — 26% (2006), 26% (2010), 25% (2013), природная агрессивность — 21% (2006), 17% (2010), 11% (2013). Респонденты ссылаются также на “глупость”, желание создать “новую, более удобную историю”, “безразличие”, “нежелание думать, познавать”, “отсутствие серьезного занятия”, “духовные проблемы людей”, “большую занятость собой и своими проблемами” (2006, 2010); “отсутствие интереса”, “специфика мировоззрения”, “свободу выбора”, “деградацию общества в культурном плане и деградацию человека” (2013).

Участники опроса признают наличие у истории назидательного смысла. Это особенно наглядно видно, когда речь заходит об историческом герое. Исторические персонажи значимы для большинства респондентов 78,6% (2006), 76% (2010), 56% (2013). Героями истории по количеству упоминаний имен выступают, главным образом, лица отечественной истории: политические деятели 58 (2006), 95 (2010), 25 (2013), полководцы, военачальники 11 (2006), 41 (2010), 22 (2013), деятели культуры 10 (2006), 19 (2010), 15 (2013). (Результаты приводятся не в процентном выражении, а по количеству упоминаний имен исторических лиц!) Примечательно возрастающее значение народа и представителей семьи, рода в качестве отмечаемых респондентами героев истории. Менее популярны личности всеобщей истории, культуры 22 (2006), 46 (2010), 45 (2013). Резюмируя сказанное, хотелось бы акцентировать внимание на следующих положениях:

- Представления о месте и роли собственного “я” в истории аморфны. Ожидать зрелых, весомых суждений на сей счет от вступающих в жизнь молодых людей вряд ли приходится. Подобное незнание обычно

компенсируется юношеским максимализмом. Но в исследовании он не зафиксирован.

- Отчасти сложившуюся ситуацию можно объяснить падением интереса (2006–2013) к масштабным событиям и ростом внимания к локальной повседневности.

- Сузились горизонты “участия” в истории. Сократилось число “деятелей” и увеличилась доля “созерцателей”.

- Сохраняется противоречивое отношение к традициям. Признание их значения на деле означает интерес прежде всего к праздникам, историческим событиям.

- По-прежнему актуальна потребность молодежи в своем “герое истории”.

- В интересе к истории велика доля любопытства. Последнее сочетается с признанием назидательного значения истории. Необходимость учиться на уроках истории, неразрывная связь современности с историческим прошлым и “я” четко осознается.

Литература

1. *Мерзлякова И.Л.* Историческое сознание современного российского общества: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 20–21.

НОВЫЕ КНИГИ

Грановская Р.М., Дуденкова Е.А. **Врожденные истоки конфликтов.** СПб.: Речь, 2014. — 320 с.

Кузнецов Е.А. **Практическая эниология.** М.: Амрита-Русь, 2014. — 416 с. — (На пороге нового мира).

Легенды и мифы о животных / Сост. В.А. Часникова. М.: Центрполиграф, 2014. — 415 с.

Мадхавананда Д. **Когда распускается лотос удачи** / Пер. с англ. М.: Сундари, 2014. — 546 с.

Одинцов М.И. **Иоанн Кронштадтский.** М.: Мол. гвардия, 2014. — 349 с. (Жизнь замеч. людей: Серия биографий: Вып. 1495).

Одинцов М.А. **Психология жертвы: Сказкотерапия для взрослых.** Самара: Бахрах-М, 2014. — 240 с.

Оболенский И.В. **Легенды московских кладбищ.** М.: АСТ, 2014. — 256 с.: ил. (Легенды лучших лет).

Песков И.В. **Первая мировая война: Самая полная энциклопедия.** М.: Яуза, Эксмо, 2014. — 176 с.: ил. (Тайны спецслужб).

Перро Ф. **Роскошь: Богатство между пышностью и комфортом в XVIII–XIX веках** / Пер. с фр. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. — 288 с.

Старшенбаум Г.В. **Психосоматика: Руководство по диагностике и самопомощи.** 2-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2014. — 251 с.

 с. 117